ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА"
ГОД ИЗДАНИЯ XVI
ЦЕНА НОМЕРА 60 КОП

КРОКОДИЛ

№ 2 ЯНВАРЬ
МОСКВА 1937

Рис. Ю. Ганфа

Мера подлости

ТРОЦКИНЫ ДЕТИ

Есть такая международная биржа, где люди покупают и продают границы, земли и государства. Покупатель туда ходит—человек при капитале. Представитель державы. Он серьезный покупатель. Он по-настоящему хотел бы купить. Если надо выплатить продавцу келькшоз, дать ему, там, скажем, деньги, посулить чины, ордена, портфели,— он вполне готов.

Когда на этой бирже появился Троцкий с предложением товара, иные покупатели встрепенулись.

— Вот это продавец! — обрадовался, например, господин Гесс.

— Не продавец, а предавец,— поправил кто-то.

— Нам такие и нужны,— деловито сказал помощник Гитлера, и отношения завязались.

Наверное, дело обстояло так. О чем надо — поговорили, о чем надо — договорились, все уточнили насчет Украины, насчет диверсий, и господин Рудольф Гесс сказал, вернувшись к себе в апартаменты:

— Вынесите-ка этому молодчику на кухню стакан водки и закуску.

Троцкий выпил водку, закусил и, сказав «Покорнейше благодарю», отправился восвояси.

Все было сговорено и выговорено: и концессии, и роспуск колхозов, и ликвидации совхозов, и выдача военных тайн, и разрушение оборонных предприятий, и убийство руководителей партии и правительства, и восстановление капитализма, и расчленение Советского союза.

И цена тоже была оговорена, какую должен был отслюнить почтенный покупатель. Все было подготовлено к приемке товара.

Жизнь и кровь красноармейцев, погибших и раненых под обломками крушений, организованных Серебряковым, Лившицем и Князевым, трупы кемеровских и горловских рабочих, павших от предательской руки Пятакова, Муралова, Ратайчака, Дробниса и прочей сволочи, секретнейшие планы работ оборонной промышленности, ядовитые гнезда террористических банд, иудины разговоры Сокольникова и Радека с господами Многоточие,— все это было только первыми взносами троцкистских выродков в счет договора с Гестапо и японским генеральным штабом.

Уже мерещилось Иудушке-Троцкому в недалеком будущем наступление фашистов на Советский союз. Уже мерцали в отдалении теплые министерские местечки для главных компаньонов фирмы. Уже Троцкий и К° собирались рассчитаться с Советским союзом, с его рабочим классом и колхозниками, с советской интеллигенцией, с нашей партией и ее руководством за все. За то, что строили и построили социалистическое общество, за то, что партия крепка как никогда, за то, что выпестовали великолепную, мощную, непобедимую Красную армию, за то, что партия и трудящиеся нашей великой родины не послушались советов троцкистской сволочи и отшвырнули их в болото, куда они тащили всю страну.

О, они бы тогда отплатили стране за все!

Генерал Франко удавился бы от зависти. Это была бы первая в мире по цинизму и подлости фирма по распродаже родины, по предательству интересов сотен миллионов трудящихся.

И вот перед японскими и германскими правителями лежат обесцененные, превратившиеся в клочки бумаги, обязательства Иудушки-Троцкого. Снова далеки от них и недосягаемы цветущие просторы Советской Украины, Приморья и Приамурья.

И снова мы увидели в Москве, в Доме союзов, на скамье подсудимых, пайщиков, доверенных лиц и агентов омерзительной фирмы политических гангстеров, убийц и торговцев родиной «Троцкий и К°». Перед лицом пролетарского суда они раскрывали отдельные свои омерзительные коммерческие тайны. Они подводили с гаденькой дрожью в голосе чудовищное сальдо своих предательских операций.

Мировая история богата потрясающими примерами подлости, предательства, лицемерия и отвратительного цинизма. Они сопутствуют всей истории эксплоататорских классов. Но как ничтожны, как бледны классические фигуры профессионального ренегата Фуше и Азефа, Гапона и Носке, Чезаре Борджиа и Макиавелли по сравнению с теми, которые предстали 23 января перед пролетарским судом. Пройдут годы, десятилетия. Но зловещие, смрадные фигуры кровавого фашистского пса Троцкого и его сподручных молодцов будут оставаться непревзойденными образцами, квинтэссенцией предательства, измены, коварства и цинизма.

Бандитская фирма Иудушки-Троцкого теряет филиал за филиалом. Еще, наверное, бегают по прихожим фашистских контрразведок троцкистские выродки с предложением своих услуг. Еще будут, наверное, не раз пытаться уцелевшие пока агенты и комиссионеры Троцкого шпионить, совершать диверсии и готовить покушения на вождей нашей родины. Но сотни миллионов трудящихся: рабочих и академиков, колхозников и писателей, инженеров и красноармейцев—несокрушимой, стальной стеной стоят на страже социализма, на страже нашей великой и могучей родины и наших вождей.

И сколько бы ни старались троцкины дети и как бы им в этом ни помогали Гестапо, японские генштабисты и все темные силы капиталистического мира, они расшибут себе лбы об эту несокрушимую стену.

В годы великой социалистической стройки, в канун великих мировых потрясений, у преддверья войн, которые готовит нам уходящий мир капиталистического насилия, есть у нас одно слово, которое наполнено новым, торжественным и священным смыслом. Слово это — Родина. Нет у нас в стране ни одного честного человека, сердце которого не билось бы радостно и гордо, когда он слышит или произносит это слово. Нет в стране ни одного трудящегося, который не отдаст свою кровь и жизнь за свою социалистическую родину и любимейшего из любимых наших вождей — великого машиниста локомотива революции Иосифа Сталина.

И только они, эти растленные компаньоны Троцкого, они, чьи имена противно повторять, сделали из родины предмет торга и продавали ее заклятым врагам.

Их гнусный лай из помойной ямы истории уже переходит в предсмертное хрипенье.

Рис. Ю. Ганфа

ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ (ВАРШАВСКИЙ ВАРИАНТ)

БРАВЫЙ БЕК

„Бек“— защитник футбольных ворот
„Шут в гол“— мяч, посланный в ворота наавось, — футбольные термины

На большом футбольном поле
Подвизался бравый Бек.
Показал он в этой роли
Силу воли, прыткий бег.
Он восторженно «работал»
Очень долгие лета
За германские ворота,
За фашистские цвета.
Ай да Бек! Ай да Бек!
Расторопный человек!
Он в разгар футбольной склоки
Брал рекорды быстроты
И в ворота на востоке
Посылал свои шуты.

Было много в нем задора,
Но удар был слаб и плох.
А хозяева-партнеры
Все кричали Беку: «Гох!»
Ай да Бек! Ай да Бек!
Что за нужный человек!
Но когда, на поле глядя,
Лез он в драку сгоряча,
Получил он в спину, сзади,
Бомбу страшного мяча.
Оглянувшись слишком поздно,
Бек увидел, что партнер,
Скушав Данциг, слопав Познань,
Лезет в Польский коридор.

Ай да Бек! Ай да Бек!
«Дальнозоркий» человек!
Из холодного расчета
Околпачивши народ,
Обнажил с в о и ворота
Верный страж ч у ж и х ворот.
Бравый Бек! Поймите сами:
На арене мировой
Надо думать не ногами —
Иногда и головой!
Ай да Бек! Ай да Бек!
Хитроумный человек!

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

ПОСЛЕДНИЕ ДА БУДУТ ПЕРВЫМИ

Рис. Кукрыниксы

— Идите, идите!.. Видите, какая очередь — не до вас тут!..

СКОЛЬЗКАЯ ТЕМА

Большой столичный каток. Весело пылают разноцветные электрические фонарики. Непрерывно играет джаз. Снежинки, а порой и конькобежцы падают под музыку. В стороне от главного круга, где с невозмутимо серьезными лицами подвизаются мастера и чемпионы, расположен небольшой ледяной загончик для начинающих. Здесь учат людей стоять на коньках, ходить по льду так, чтобы не напоминать одно полезное мычащее домашнее животное, и уже затем, когда ледовая азбука освоена, приобщают их к великолепному таинству скольжения.

Здесь царство параллельных брусьев и кресел, напоминающих передвижные стулья для паралитиков. Здесь властвуют энергичные инструктора в шерстяных свитерах и очаровательные инструкторши с изумительным румянцем на щеках, убедительно агитирующим за здоровый, полезный конькобежный спорт.

Николай Петрович ходит в загончик для начинающих уже два месяца, а учиться он начал — между нами говоря — еще в прошлом году. Николаю Петровичу далеко за сорок, он солидный консультант одного солидного учреждения, и коньки для него — не самоцель, а лечебно-профилактическое средство.

Занимается с ним инструкторша Марина. Ей девятнадцать лет. Глаза у ней черные и круглые как у птицы. В голубом с белым костюмчике, легкая и веселая, она похожа на Снегурочку.

Николай Петрович угнетает ее как ученик своей тупостью и полным отсутствием способностей к конькам. Когда он появляется на льду в своем дорогом синем свитере, неповоротливый, неуклюжий, с криво раз'езжающимися ногами и испуганно открытым ртом, Марина тяжело вздыхает и шепчет подруге Галинке:

— Мой приплелся. Здрасьте — пожалуйста. Вот уж верблюд несчастный!..

Затем она делает очаровательно-любезную улыбку и подлетает к несчастному «верблюду» как раз в тот момент, когда он, отчаянно размахивая руками, тщетно пытается удержаться на ногах.

Инструкторшу Николай Петрович приветствует уже сидя на льду, подбирая упавшую с головы шапку.

— Здравствуйте, Мариночка. Я... того... немножко упал. Дайте мне вашу ручку, я сейчас встану.

Процесс вставания длится долго, минуты три. За это время Николай Петрович садится на лед еще два раза. Наконец,

он поднимается и, укрепив ноги на льду ввиде римской цифры пять основанием вверх, покорно ожидает приказа своей дрессировщицы.

— Смелее! — командует Марина. — Отталкивайтесь сначала левой ногой, потом правой. Ну пошли!

Николай Петрович судорожно отталкивается сначала левой ногой, потом правой и снова сразмаху садится на лед.

— Сейчас, сейчас,— смущенно бормочет он,— это я так... присел отдохнуть, на одну минуточку. Сейчас мы с вами, Мариночка, начнем так бегать, что небу жарко станет!

Марина кисло улыбается в ответ на эту риторическую фразу. Она хорошо знает, что небо может быть совершенно спокойно за свою температуру.

Урок длится больше часу. Николай Петрович к концу его делается багровым, сзади на его брюках темнеет некрасивое мокрое пятно — печальный след вынужденных посадок на лед. Марина же свежа и прекрасна как всегда.

Расставаясь, Николай Петрович долго жмет маринину руку и, заглядывая ей в лицо своими собачье-добрыми близорукими глазами, скорбно шутит:

— А все-таки у меня кое-какие успехи обозначились. Правда, Мариночка? Раньше я — помните? — падал прямо плашмя, а теперь уже научился садиться!

Проходит еще месяц. Николай Петрович садится на лед реже, но катается, по мнению Марины, удручающе плохо. Начавшие учиться вместе с ним уже давно перешли в разряд мастеров и носятся как черти по главному кругу, а он все еще ковыляет в своем загончике для начинающих.

Сережа Корольков, главный инструктор, даже сказал както Марине:

— Имей в виду, Марина, что твой «верблюд» портит нам всю музыку. Из-за него мы никак не можем дать сто процентов выполнения плана.

Марина вспыхнула и ответила:

— Пожалуйста, возьми его себе хоть сегодня. Может, он у тебя поедет.

— Я ему предлагал переменить инструктора, он и слышать не хочет. Он, наверное, врезался в тебя, Маринка?

— Дурак ты, Сережка. Он же солидный человек, дети у него, жена, кататься не умеет.

— Вот которые с детьми и женами и кататься не умеют — те как раз и влюбляются в таких, как ты. А влюбленный человек никогда, конечно, не овладеет техникой катанья. Ему нужно под ноги смотреть, а он на тебя любуется и, натурально, падает.

— Глупости! — сказала польщенная Марина. — Я его сегодня так возьму в работу, что он у меня запищит. Обещаю тебе через декаду рапортовать о выпуске «верблюда» на главный круг.

— Ну смотри, Марина!

В этот вечер Николай Петрович почему-то не явился на занятия, и, освободившись раньше, Марина с другой инструкторшей, маленькой и толстой, как шар, Галинкой отправились покататься на главный круг.

Они вышли на беговую дорожку и, взявшись за руки, заскользили по льду, запорошенному снежком.

Вдруг Марина сжала руку подруги.

— Галинка! Смотри: вон впереди в синем свитере. До чего он на «верблюда» похож!

— Действительно, похож. Только очень уж здорово едет.

— А ну нажали, посмотрим.

Девушки «нажали», синий свитер обернулся, и Марина увидела длинные усы и близоруко-прищуренные глаза Николая Петровича. «Верблюд» тоже заметил Марину, на лице его появилась гримаса испуга, и в тот же момент он грузно сел на лед.

— Он! — сказала Марина.— Теперь я ясно вижу, что это «верблюд», его манера садиться.

Деликатная Галинка смешалась с толпой катающихся, а Марина подкатила к растерянно поднимавшемуся Николаю Петровичу и сказала:

— Здрасьте—пожалуйста. Оказывается, вы катаетесь как бог, Николай Петрович!

— Как видите,— смущенно пробормотал «верблюд», привычно отряхая снег сзади на брюках.

— Кроме шуток, Николай Петрович. Я просто не понимаю, зачем вы ходите к нам, на загородку... Вы же нам весь план портите. Я только сегодня поклялась Королькову, что выпущу «верблюда»... то есть я не то хотела сказать. Одним словом, давайте вашу руку — и поехали.

Они легко и уверенно сделали один круг, потом еще один и от'ехали на укромную боковую аллейку.

— Я вам должен признаться, Мариночка,— тихо сказал Николай Петрович, ловко делая поворот,— что я здесь на главном круге целый месяц уже катаюсь. После урока с вами иду прямо сюда и катаюсь.

— И не садитесь на лед?

— Что вы, за кого вы меня принимаете!

— Тогда я вас просто не понимаю, Николай Петрович...

— Сейчас поймете (голос Николая Петровича стал серьезным). Видите ли, Мариночка... Только, ради бога, не думайте, что я в вас влюблен!.. Видите ли, в вас столько молодости, свежести, здоровья, что я просто не могу с вами расстаться. Вы для меня... Только, пожалуйста, не сердитесь... Ну все равно, что хорошее лекарство. Без вас на меня коньки хорошо не действуют, честное слово. От вас какие-то чертовские токи молодости идут, ей-богу! Фу, я совсем запутался!..

— Почему же вы меня просто не пригласили покататься с вами на главном кругу?

— Думал, что вы не согласитесь кататься с таким стариком, как я.

— Какой же вы старик? Вы так хорошо бегаете; с вами удобно. Слушайте, Николай Петрович, неужели вы притворялись, когда там, в загончике, садились на лед?

— Не всегда, конечно, притворялся,— сказал Николай Петрович, хотел сделать поворот пограциознее и... взмахнув руками, сел на лед.

Марина строго нахмурила брови.

— Нечего, нечего рассиживаться! Вставайте! Я теперь ни в одну вашу посадку не верю. Пошли!

Они взялись за руки и снова выехали на залитый огнями блистающий, нарядный главный круг.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

Рис. Л. Генча.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

Иллюстрации Ю. Ганфа

ПРЕМИЯ

Еще в прошлом году в какой-то большой праздник уборщицу зоосада Митяеву премировали медвежонком. Сначала Митяева отказывалась:

— Да куда я с ним? Ведь я в коммунальной квартире живу.

— Ну и что,— сказал завхоз,— что он — вашу квартиру займет? Ему вместе с лапами полметра всего и надо. Я тебя предупреждаю: премиального фонда у нас нет, мы его на страусник израсходовали. Да ты что думаешь? Бери медвежонка. Он у нас, так сказать, сверх плана родился, распоряжаться мы им можем. Он веселый, он у вас всех крыс переловит...

— Ну давайте, коли не так, медвежонка,— тихо сказала Митяева.

Проходили дни, декады, месяцы, а о премии завхоз даже не заикался. Как-то Митяева напомнила ему о премии, он отмахнулся.

— Некогда! Тут у зубробизона апетит пропал, а она с пустяками лезет.

Наконец, Митяева не выдержала и сказала о задержке премии редактору стенгазеты, который имел обыкновение подписывать заметки «Тигром», «Буйволом», «Львом».

— А мы их прохватим!

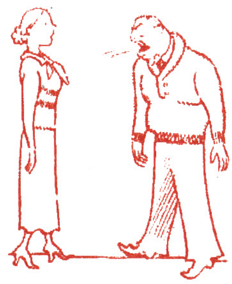
И прохватил. На утро завхоз повел Митяеву к клеткам, указал на огромного медведя:

— Бери. Не сомневайся. Тот самый. Обещанный. Да что ты руками машешь, медведя злишь!..

— Не надо мне его! Не надо...

— «Не надо»... А в газету пишешь, людей только срамишь!.. Премию задержали. А дают, так она не берет. Фигуряют, сами не знают чего!..

ПОДРУГИ

Они не виделись шесть лет.

— Уже замужем? — спросила Катя.

— Да,— ответила Маня, подняв повыше сына.— А ты?

— Все еще не успела как-то. У тебя муж — педагог?

— Почему ты подумала — педагог? — засмеялась Маня. — Он совсем не педагог. Он физкультурник. Боксер...

— У-у-у,— качнула головой Катя. — Люблю физкультурников. А боксеры, это ж у-у-у... У них эти, как их, бицепсы страшные, должно быть. С таким мужем нигде нестрашно: защитит от всякого грубияна. А то вот давеча еду в трамвае и чувствую какой-то тип мне в затылок дышит. Никак не отвяжешься. Что его, к милиционеру вести? А раз как-то шла, пристали какие-то двое хулиганов. Ну, я их отшила, так дурой обозвали. Хотела их в отделение стащить, да ведь мне с двумя не справиться, а на улице как раз никого не было...

Она вздохнула:

— А уж был бы, скажем, муж-боксер... Попробуй-ка погрубить со мной, пристать ко мне!.. Боксер бы — он показал!

— Да, — согласилась Маня.— С боксером на этот счет спокойно...

Подруги расстались. Маня до ночи ждала мужа. Он вернулся на второй день. Пожаловалась:

— Я всегда одна, одна. Ни в театр, никуда.

— Молчать! — закричал боксер. — Что я, обязан сидеть возле тебя?! Было время, когда ухаживал за тобой, водил в театр, кормил печеньем, а теперь — извини-ите...

— Какой ты грубый, Константин!

— Дура! — ответил боксер и завалился спать.

СВЕКЛА

Был он важным человеком в районе. Когда он заезжал на какое-нибудь предприятие, потом в местной газете писали, что он «посетил», а не просто «был».

Когда ему докладывали о непорядках с учебными занятиями, он кричал:

— Что ты мне толкуешь? Во-первых, свекла, во-вторых, свекла, и, в-третьих, свекла!

— Да ведь, товарищ Иванов, как прежде говорилось, не одним хлебом жив человек.

— А я разве тебе о хлебе говорю? Я о свекле толкую.

— Слушай, товарищ Иванов, может, посетишь наш клуб. Интересная лекция московского профессора: о происхождении жизни на земле.

— Может, и посещу. Пускай он там о свекле скажет. Как она, милая, в земле живет.

Посетил. Но лекция ему не понравилась.

— Какой он профессор? Надо бы у него документы проверить. Профессор, а сахарной свеклы от кормовой отличить не умеет. Пойдем посидим у меня. Редко я дома-то бываю. Да расскажешь заодно, что в газетах новенького...

На пороге встретила жена. Иванов представил ее приятелю:

— Знакомься... Свекла Степановна... Тьфу!..

— Фекла, а не Свекла! — закричала жена. — Разведусь, разведусь...

— Ну, извини... Св... То есть, Фекла Степановна...

КЛЮЧ

В зрительном зале на местах для публики сидели актеры и слушали доклад своего художественного руководителя.

— И все-то он врет, все-то он подвирает,— сказал на ухо баритон Соловьев тенору Дроздову. — Грубиян, бюрократ. Какой у него творческий метод? Один у него метод: кулаком о стол. Да еще хочет, чтоб в ответ на его гавканье ему шопотом отвечали, как суфлеры.

— А что ж ты, Соловей, молчишь? — спросил Дроздов, потерев нагретое дыханьем Соловьева ухо. — Выйди и ахни.

— Ахни. Небось, своя ролюшечка ближе к телу. Задушит потом.

— Ну, свистни отсюда! Никто и не разберет, кто это свистел. Почему это в театре только одни хлопки дозволяются?

— Да чем я свистну? Зуба у меня нет со свистом, а так не умею свистеть.

— Ну вот, важное дело.— усмехнулся Дроздов. — Есть у тебя ключ от комнаты? Бородку к подбородку. Ух, я в детстве возьму, бывало, ключ от бабушкиного сундука... Громче всех на улице в ключ свистел.

— Это идея,— сказал баритон, роясь в кармане. — Хоть этим свистом подсадить его.

Он нашарил ключ, достал его:

— Слушай, Дрозд. Да ведь это американский ключ. В него не засвистишь.

— Ах, да-а... Это верно.

— Я говорю: не засвистишь.— точно обрадовался баритон и, подняв выше руки, захлопал и закричал руководителю:

— Браво, браво, Борис Борисович!..

ВСЕ УДОБСТВА

Он вошел в гастрономический магазин. Помнил, что надо купить для гостей вина, колбасы и хлеба. Винный продавец выставил на стеклянный прилавок две бутылки оранжевого, жизнерадостного цвета и сказал, разложив огромный лист крепкой, добротной бумаги:

— Виноват! Я сейчас все вам запакую!

— Да стоит ли беспокоиться? — сказал покупатель.— Бутылки по карманам — и вся недолга...

— Как можно,— наставительно сказал приказчик,— у нас все удобства для покупателей. Тем более, вещь ценная, хе-хе...

Он сделал пакет, перевязал его сахарной бичевкой и подал с полупоклоном:

— Пожалуйста, и в следующий раз! Ликеры у нас всех сортов!

Покупатель перешел в колбасное отделение.

— Порезать? — с парикмахерской вежливостью спросила продавщица и, разрезав колбасу на медные пятаки, выложила их на печатную бумагу. Покупатель поморщился:

— Что ж это? Буквы отпечатаются на колбасе!

— Мучаемся, гражданин, с бумагой. Хоть и такая есть — и то слава богу. А буковки отпечатаются, другой раз интересно получается. У одного покупателя цельное стихотворение Лермонтова на колбасном обрезке отпечаталось. И для души и для тела. Тем более, Лермонтов, знаете, сколько стоит. Так сказать, для удобства покупателей стараемся...

— Хороши удобства!..

В хлебном отделе покупателю отвесили хлеб и сунули.

— А завертывать не будете?

— Кого это?

— Да хлеб! Что я его—подмышкой понесу?

— Да вы, гражданин, откуда? Все подмышками носят, а он не может!

— А вон в винном...

— В винном? В винном, небось, за бутылку по десять рублей платят, а у нас на рупь восемь гривен набрал, да ему в бумагу верти... Чего задумались? Довески в карман, а хлеб подмышку...

Покупатель посмотрел: все так несли хлеб. Покупатель развернул бутылки, запаковал в их бумагу хлеб. Бутылки недовольно булькнули.

В. ТОБОЛЯКОВ

НАУКА и ТЕХНИКА

(ПРОЕКТЫ, ИЗОБРЕТЕНИЯ И НАУЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ)

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЙ РУКОЖЕВАТЕЛЬ

Случай с одним нашим знакомым старичком-пенсионером натолкнул нас на это полезное изобретение.

Старичок этот вздумал как-то оборудовать свой рот (по-научному — полость рта) искусственной челюстью (по-научному — протезом). Пошел для этой цели в районную зуболечебницу, где у него и сняли мерку (рис. 1).

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Но в общем месяца через три с половиной получил наш старичок свои новые зубы (рис. 2).

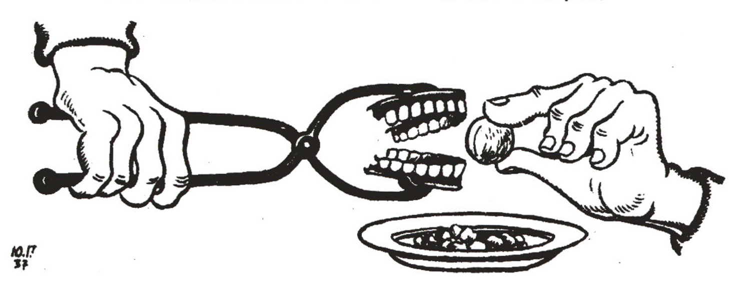
Зубы получились очень хороши цветом и фасоном. Что же касается количества, то и оно оказалось вполне подходящим. Одна беда — нето мерку перепутали или что-нибудь другое, только не лезет челюсть в рот старичку, хоть плачь. Или, вернее, помещается протез во рту частично, но в таком виде может служить только украшением (рис. 3), а при жевании приходится вынимать его и пользоваться постаринке голыми деснами.

Тут и пришли мы на помощь пострадавшему пенсионеру своим изобретением. Нужно только к обыкновенным щипцам приклепать неудавшиеся челюсти — и все в порядке. Способ применения ясно показан на приложенном рисунке. Рукожевателем можно, не утомляя рта, грызть самые твердые предметы, как то: грецкие и волошские орехи, печенье и т. д. Во время ручного жевания можно разговаривать, диктовать и петь (следует отметить, что наш рукожеватель абсолютно не чавкает).

Кстати, мы вовсе не настаиваем на массовом изготовлении наших рукожевателей, но, безусловно, требуем, чтобы в зуболечебницах больше не повторялись случаи, подобные случаю с нашим знакомым старичком-пенсионером. Тогда мы охотно снимем наше изобретение с повестки дня.

Текст и рисунки Ю. ГАНФА

БУДНИ КУЛЬТУРЫ

Культорганизациям профсоюзов с благоговением посвящает этот свой труд автор.

— Товарищу завклубу — наше!..
— Почтение.
— Чего у тебя сегодня делается?
— А ничего. Балалаечники, кажется, репетируют.
— Что ж так?
— А чего делать-то? Разве на каждый день напасешься мероприятиев?! Да и где их взять? Ну танцы—они под выходной идут, а на шестидневке не больно тоже танцуют. Кино, опять... Ведь это когда дадут картину, а когда только об'яснят, в какой день зайти наведаться... Нет мероприятиев, ну что ты будешь делать!
— Ай-ай-ай!
— Или взять, например, лекции. Есть у нас двое лекторов: один — про Абиссинию читает, другой — про брюшной тиф. Были они у меня. По три раза были и с тифом и с Абиссинией... А дай ты мне сейчас стоящего лектора — с руками оторву!..
— Ай-ай-ай... Как бы это тебе теперь помочь... Стой, у меня вот шурин — вроде ученый человек. Все-таки из ветеринарного техникума человека поперли в двадцать третьем году. Может, он чего поспособствует... Ну-ка, я его сей мянут кликну... Он тут, при входе... Вась, а Вась, подь сюда!
— Чего тебе?
— Знакомься, дурашка. Это, так сказать, завклуб товарищ Евстигнеев, а это шурин мой, ученый человек Василий Капитонович Внезапкин. Так. Теперь, Вася, требуется от тебя, чтобы ты лекцию произнес.
— Тю!.. Ты что, спятил, что ли?
— Ты погоди: «спятил»! В техникуме ты был? Науки происходил?
— Так ведь это когда было!..
— Когда ни когда, а что-нибудь должно в голове осесть. Товарищ Евстигнеев, вам что требуется? В смысле науки?
— Да что хочешь. Хоть по медицине, хоть по философии, хоть по этой — как ее? — астрономии.
— Правильно. Васятка, выбирай себе науку, которая по душе. Послезавтра и будешь произносить.
— Я, во-первых, что послезавтра на именины иду. Днем. Как же это я в нетрезвом виде лекцию буду делать?
— И очень хорошо: храбрости больше. Выбирай, выбирай науку, нечего тут!..
— Уж не знаю, ей-богу... Разве философию взять... все-таки более отвлеченно... Или астрономию?.. Да нет, я не могу лекцию делать, я на именины иду!..
— Ну-у-у?! Сказано: будешь лектор,— значит, кончено. Вы не сумлевайтесь, товарищ Евстигнеев. Вешайте на послезавтра афишу...

2

— Уфф... Ну, вот я и отчитал лекцию, товарищ завклуб. Публики только маловато было.
— А пес с ней с публикой! Мероприятие провели — и ладно. В отчете проставим: была, мол, лекция. Получай за свой труд... Здесь расписаться... Прописью сумму...
— Премного благодарен.
— Не за что. Раз кто — правильный астроном, от меня всегда только хорошее увидит...

3

— Я сам более двух лет работаю на культурном фронте, и я вам скажу, что лектор без афиши—это не лектор. Вот, пожалуйста. Здесь вы имеете мою афишу, здесь и тезисы, и нетезисы, и все... Ваше дело — только проставить наэваньице вашего то есть клуба, в котором часу начало и в какой день...
— Гм... «Космос как таковой. Единственная лекция профессора В. К. Вне-

МОЯ ШКОЛА С КРАЮ

Рис. Л. Генча

— Как вы терпите, это же ваш ученик!..
— Простите, меня вчера перевели в другую школу.

запкина...» Профессор Внезапкин — это вы?

— А то кто же?

— А я извиняюсь: откуда и с чего вы профессор?

— А как я читаю лекции более двух лет. Лекции, это вам всякий скажет, читают только профессора и эти, ну, доценты.

— Доценты?

— Угу. Приват. Но у доцентов, конечно, не то. Солидности меньше и потом другая эта... как ее?..

— Цена?

— Да, и цена и потом — эрудиция. Чего доцент знает, профессор уже то позабыть успел.

— Гм... Н-да... «Тезис первый: почему никто не может сигануть на луну. Тезис второй: полный асортимент планет и звезд. Тезис третий: как нам быть с пятнами на солнце. Тезис четвертый: загадочное окружение планеты Сатурн...» Кхе...

— Да вы хоть читайте, хоть не читайте, тезис у меня отборный, один к одному.

4

— Могу я видеть редактора?

— Вам по какому делу?

— Извиняюсь, меня как раз обложи... то есть обкритиковали в вашей газете. Вот: «Невежественная халтура вместо лекции».

— Так что ж вы хотите?

— Извиняюсь, я хотел как раз сказать, что нельзя же так, товарищи. Если мы, работники культурного фронта, будем, я извиняюсь, так кидаться друг на друга, то что будет с культурой, я вас спрошу? Куда ж ей тогда, бедняжке, податься?!

— Конкретно: чего вы хотите?

— Ничего я не хочу, кроме как работать на культуру, не покладая рук, ни ног, ничего!.. А если вы меня разлучите с культурой, я ни за кого не отвечаю. Ни за себя, ни за нее. Лучше напишите прямо: наш сотрудник, дескать, не доглядел. Профессор Внезапкин лекцию дает правильную, акуратную, без брака...

— Этого мы не можем.

— Та-ак, значит... Поддержать культработника вы не можете, а закопать его — это будьте любезны!..

5

— Пойми ты, дурашка, не могу я тобою мероприятие провести.

— Товарищ Евстигнеев! Вы же ж меня сами определили на лекции с зятем моим Степаном Никитичем!..

— Определил, а теперь не могу. Потому — кто ты был тогда? Никто. Шурин своего зятя. А кто ты есть теперь? Заклейменный через газеты профессор Внезапкин. Пришли ты мне сейчас своего шурина — и я ему отведу и зал, и афишу, и все... А тебе — не могу. Рад бы всею душой, не могу. Пойдешь по Советской улице, заскочи к фельдшеру Лопоногову. Скажи: Евстигнеев велел придти про брюшной тиф читать...

В. АРДОВ

•

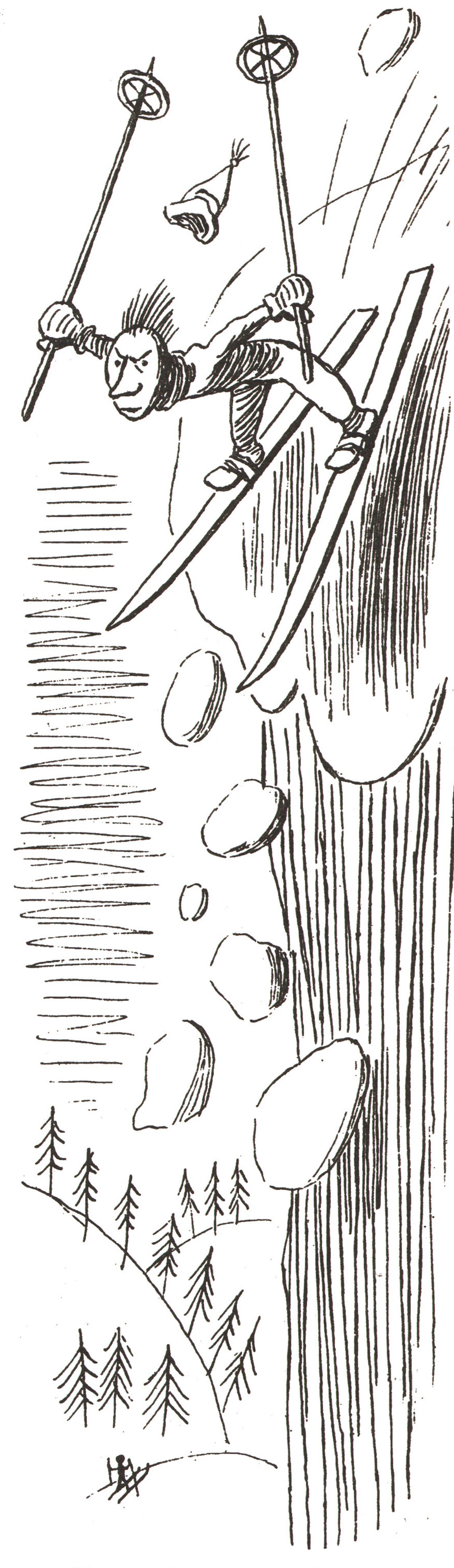
ТРИ КРИТИКА

— «Здорово, критик А». — «Здорово, критик Б».
— «Ну, каково, приятель, поживаешь?»
— «Ох, кум, беды моей я вижу ты не знаешь,
Но, так и быть, все расскажу тебе.
Вот мой подход ко всем без исключенья книгам:
Прочту — и обругаю мигом!
Мол, это плод вульгарного труда!
Мол, автор смотрит не туда!
Мол, бездари такой не встретим и в природе!..
Уж десять лет пишу я в этом роде,
Но все ж не чтит меня писательский народ.
Наоборот!
А ты как?..» — «У меня ни ярости, ни гнева:
Писателей хвалю направо и налево,
В Шекспиры зачисляю всех,
И всем пророчу я успех.
Но, хоть хвалю я каждого поэта,
Никто меня не похвалил за это!»
— «Пеняйте на себя, друзья!» —
Сказал им критик В. — «Пишите вы, как я.
Ругать, хвалить — ну разве это можно?
Я поступаю осторожно
И, чтоб застраховать себя от ваших бед,
Не говорю ни «да», ни «нет»...
Там помаленьку критикну я,
Там полегоньку буркну: «Аллилуя»...
Я никого обидеть не хочу,
И каждый свой протест я смажу и смягчу...»
«Отдать мне предпочтение кому же?» —
Читатель спросит, выслушавши их.
Он хочет знать: кто хуже из троих?
Все трое хуже!..

МИХАИЛ ПУСТЫНИН

СПОРТИВНОЕ БЕДСТВИЕ

Рис. Б. Малаховского

— Кошмар! Лыжи обязательно сломаются и—залог пропадет!

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый дядя Крокодил!

Я купил тетрадь производства добрушской бумажной фабрики «Герой труда». На ней напечатан портрет Александра Сергеевича Пушкина и об'яснено, что он родился в 1799 году, а умер в 1835 году.

А учитель в школе говорит, что это неправда: Пушкин умер в 1837 году.

Тогда я прочитал постановление правительства о создании Пушкинского юбилейного комитета. Там тоже написано, что Пушкин умер в 1837 году.

Почему же добрушская фабрика, которая выпустила 3½ миллиона таких тетрадей, называется «Герой труда», когда на ней сидят заведомые бракоделы?!

Ученик 3-го класса 33-й школы

ОЛЕГ ОЛЕХНОВИЧ

Орел

Товарищ Крокодил!

Вполне возможно, что Скопинский райпрофсовет, рапортуя о проведенных им в связи с годовщиной со дня смерти Пушкина мероприятиях, укажет на пушкинский маскарад, организованный им 8 декабря прошлого года в клубе Военностроительного техникума.

Не верь Скопинскому райпрофсовету.

600 граждан поверили ему, уплатили по 1 рублю за билет, празднично оделись и явились в здание техникума для того, чтобы выслушать сообщение, что маскарада не будет, а вместо этого будет концертный номер.

Вышел на эстраду гражданин и начал комнатным голосом петь:

«Сижу за решоткой в темнице сырой,
Вскормленный на воле орел молодой».

Очевидно, потому, что этому орлу было не меньше 60 лет, орел дал такого «петуха», что зал грохнул от хохота.

Старичок застеснялся и ушел, и на этом кончились культурные мероприятия, организованные мощными усилиями нашего райпрофсовета.

Раньше в таких случаях кричали: «Деньги обратно!» В результате нашего культурного роста никто о деньгах не кричал, но все твердо решили, что больше мы на вечера, устраиваемые Скопинским райпрофсоветом, ходить не будем.

О чем и прошу довести до всеобщего сведения.

Пострадавший А. КИЛЕССО

Скопин, Московской области

Дорогой Крокодил!

На заглавном листе блок-календаря на 1937 год, выпущенного попечением Укрполиграфканцтреста, мы под портретом Пушкина обнаружили его автограф на украинском языке.

Все, как полагается: подпись с росчерком, а вместо «и», в добром согласии с украинской орфографией, «i».

Одно из двух: или это автограф подлинный — и тогда нужно его срочно опубликовать в пушкинских изданиях Академии наук, или это автограф липовый, и подделан он не в меру ретивыми составителями упомянутого блок-календаря—в таком случае просим опубликовать его на страницах Крокодила.

Д. КОСЮК, Э. КАРАВАН

Чернигов, УССР

Дорогой Крокодил!

Мы отлично знаем, что почтовая тематика тебе порядком надоела. Наши ошибки давно набили всем оскомину.

И все же мы тебе пишем. Мы не снимаем с себя вины. Работаем мы еще зачастую очень плохо, и ругают нас поделом. Но во многом нам должна помочь общественность. За помощью мы к тебе и обращаемся.

Прежде всего заставь, пожалуйста, дорогой Крокодил, городские советы и милицию привести в порядок улицы, дома, под'езды и квартиры. Ведь это же — рабочее место письмоносца! А погляди: даже в Москве сплошь и рядом под'езды и лестницы в домах не освещены, не пронумерованы квартиры.

Мы получаем много жалоб на засылку писем. А знаешь ли ты, что засылка зачастую происходит еще и потому, что в Москве, например, много одноименных улиц? Известно ли тебе, что в столице шесть Звенигородских улиц и четыре Звенигородских переулка, семь Ростовских переулков, двенадцать Черкизовских улиц и пять Черкизовских переулков? В одной Москве шестнадцать Рабочих улиц!

В Москве, говорят, 61 тысяча Ивановых, 43 тысячи Поповых. С этим обстоятельством, конечно, бороться трудно. Вольно каждому именовать себя как угодно! Но улицы и переулки! Это уж от горсовета зависит.

Ведь, чего доброго, забудут указать на конверте номер дома, где проживает Иванов, и придется тогда письмоносцу обивать пороги по неосвещенным домам всех шестнадцати Рабочих улиц в поисках одного из 61 тысячи Ивановых.

Не дай нам, Крокодил, дойти до этого.

Член совета при наркоме связи письмоносец ПРОКОПЕНКО

Начальник 22-го почтового отделения МОЖЕЙКО.

Начальник цеха доставки 22-го почтового отделения ШИШКОВ

Письмоносец 22-го почтового отделения КУДРЯВЦЕВА

Москва

Товарищ Крокодил!

Директор Торбеевской МТС тов. Назаров любит:

а) Пушкина,
б) выпить.

Возникающие в связи с этим духовные запросы он оформляет ввиде вечеров, посвященных Пушкину, которые он добросовестно устраивает у себя на квартире.

Бывают на таких вечерах и драки: или на почве принципиальных споров о творчестве Пушкина или, скорее всего, в результате непомерно большого количества выпитой водки.

Теперь если в МТС кто-нибудь начинает говорить о Пушкине, то трезвые работники говорят: «Опять выпить собираются» — и уходят. А любители выпить нервно потирают руки от предвкушения «культурного» развлечения.

А. ДВОИХ

Торбеево, Мордовской АССР

Уважаемый Крокодил!

Мне очень жаль, что я 24 ноября 1936 года был занят и не посетил Ленинградский центральный дом работников физической культуры.

Дело в том, что дирекция Дома прислала мне пригласительный билет следующего содержания:

«Дорогой товарищ. Центральный дом работников физической культуры приглашает Вас на вечер, посвященный великому русскому поэту А. С. Пушкину, который будет в здании ЦДРФК 24/XI-36 г.».

Домашние обстоятельства помешали мне посетить вечер, на котором, как явствует из пригласительного билета, должен был присутствовать сам А. С. Пушкин.

Очевидно, Пушкин все-таки не пришел в здание ЦДРФК.

А жаль, что не пришел. Покойный поэт был с норовом и, безусловно, выругал бы дирекцию ЦДРФК за неграмотно составленные пригласительные билеты.

Э. ЭНДЕР

Ленинград

Дорогой Крокодил!

У нас, на Нижнесибайском руднике, живет свыше 2 тысяч человек, но нет парикмахерской.

Конечно, нет безвыходных положений. Можно сесть в первую попутную автомашину, доехать на ней до Магнитогорска (105 километров пути в одну сторону) или, в крайнем случае, до Баймака (35 километров пути в другую сторону) и там побриться.

Но пока вернешься,—смотришь, снова отросла борода. Нето потому, что слишком уж длинная дорога, нето потому, что климат для отращивания волос в нашем районе очень подходящий.

Конечно, если с'ездить в Баймак, то заодно с бритьем можно было бы еще сходить в районный комитет и пожаловаться на отсутствие на нашем руднике парикмахерской. Но так как долго не подворачивалась попутная машина, я решил написать об этом тебе.

Итак, дорогой Крокодил, ждет твоей помощи вся бреющаяся часть населения нашего рудника.

М. МАРКОВ

Нижнесибайский рудник, Баймакского района, БашАССР.

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Любопытная история случилась недавно с моим приятелем Сергеем Кружковым.

Идет он по Большой Дмитровке и вдруг видит: навстречу ему идет какая-то знакомая физиономия в серой кепке.

«Кто это такой? Где я его видел? Глаза, нос, улыбка — все знакомо. Ума не приложу...»

Серая кепка, поровнявшись с Кружковым, остановилась и стала с любопытством разглядывать нашего приятеля. Так они минуты три стояли как вкопанные, изучая друг друга и силясь что-то вспомнить.

— Знакомое лицо, — пробормотал смущенно Кружков.

— Знакомый циферблат, — ответила серая кепка, обозревая с видом исследователя лицо своего собеседника.

— Где-то мы с вами встречались.

— Я в этом уверен.

— Вспомнил! Вспомнил! — радостно вскричал Кружков. — Так оно и есть. В гражданскую войну. Под Каховкой. Я тогда был бойцом пулеметной команды.

— Не выходит. Я в то время был на восточном фронте, за Омском.

— Постойте, постойте. Вспоминаю. Меня потом направили на польский фронт. Я был комиссаром полка на Волыни. Вы там же служили?

— Нет. Я тогда воевал с калмыковскими бандами на Дальнем Востоке.

— Значит, не то. Но я с вами где-то встречался.

— Определенно.

— Давайте вспомним. После демобилизации меня направили губпродкомиссаром в Орел.

— А я работал в Полтаве.

— Вот оно и есть! Наконец-то! Даже уморился. В конце двадцать второго года я был переброшен в Полтаву на профсоюзную работу. Там мы и встретились.

— Не могли встретиться. В январе двадцать второго года я переехал в Севастополь.

— Так бы раньше и сказали. Ведь я в Севастополе был директором завода.

— В какое время?

— В двадцать четвертом.

— А я в конце двадцать третьего выехал оттуда.

— Куда?

— В Ростов на Дону.

— В Ростове я не работал, но все же мы где-то встречались.

— Определенно.

— И лицо знакомое. И голос знакомый.

— По-моему, тут никакой ошибки нет.

— Определенно.

— Давайте вспоминать дальше, — сказал Кружков. — Не разойдемся, пока не вспомним. Меня это дело уже начинает волновать.

— Меня тоже заело.

— Вы в Москве с какого года?

— С двадцать шестого.

— Где работаете?

— При Наркомтяжпроме, а раньше при ВСНХ.

— Вот, вот. Чего же вы молчали? Вы не учились в Промакадемии? Я оттуда ушел в тридцать втором.

— Нет. До Промакадемии еще не дошел. На курсах учился. Теперь готовлюсь в Институт коммунального хозяйства.

— Постойте. После Промакадемии меня назначили директором комбината на Урал. Может, там?

— Нет, на Урале никогда не был.

— Послушайте, вы не были делегатом на Всесоюзном с'езде советов?

— На Всесоюзном? Не был.

— Тогда на Всероссийском?

— Тоже не попал.

— Вот незадача! Может, в Кремле встречались при вручении орденов?

— Определенно. В Кремле не встречались...

Они продолжали стоять друг против друга. Оба напрягали память, делали страшные усилия, но ничего не получалось. Прохожие толкали их, ругали за то, что мешают движению. Но они глядели друг на друга и вспоминали.

— Постойте, — сказал Кружков. — Чувствую, что нам надо опять вернуться к восемнадцатому году. Вы на фронт попали не по партийной мобилизации в Донбассе?

— Нет. Я сам из Курска.

— Опять не получается. А в Крыму на курортах бывали?

— Определенно.

— Вот какое дело! Значит, там и встречались. Не иначе. В этом году я был в Симеизе.

— А я в Ялте.

— В прошлом году я был в Ялте.

— А я в Симеизе.

— В позапрошлом году я был в Кореизе.

— А я в Балаклаве.

— Четыре года назад я был в Балаклаве.

— А я в Кореизе.

— Но все-таки мы с вами где-то встречались.

— Определенно.

— Лицо знакомое. И голос знакомый.

— Правильно. И лицо знакомое... Кстати, откуда у вас на лице этот свежий шрам?

— Чепуха!. Это меня сегодня утром парикмахер маленько порезал.

— Парикмахер? Где? В парикмахерской при Наркомтяжпроме?

— А вы откуда знаете?

— Вспомнил. Да это я же сегодня утром вас брил и срезал прыщик... Уж вы меня, пожалуйста, извините.

Г. РЫКЛИН

В ПОЛЬШЕ

Рис. Бор. Ефимова

— Этим темным переулком мы лучше не пойдем: тут мы можем встретить своих избирателей.

АККОРД

По совершенно неизвестным причинам 29 декабря уборщице музыкальной фабрики «Красная балалайка» взбрело на ум подмести за большим серым шкафом, стоящим в коридоре возле доски об'явлений. Такое событие происходило уж никак не реже чем три раза в год, и самое подметание, конечно, не могло никого возмутить, но на этот раз... Впрочем, расскажем все по порядку.

За шкафом было три слоя паутины: верхний, свежий, с еще неоконченным узором; средний, не очень свежий, и нижний, вполне устоявшийся, с вполне завершенным узором. Просунув швабру сквозь все три слоя, уборщица натолкнулась на свернутую в трубку синюю плотную бумагу, которая при ближайшем рассмотрении оказалась прошлогодним номером стенной газеты «Аккорд». В распоряжении уборщицы были только две руки. Две руки ее коллеги были в декретном отпуску, и поэтому она временно прицепила стенгазету на свободный гвоздик на доске об'явлений и... забыла про нее. Надо заметить, что это было как раз в годовщину со дня выхода последнего номера стенгазеты, и ящик с надписью «Пишите в стенгазету», тонко рассчитанный как раз на год, был до краев наполнен окурками. Поэтому никто на фабрике не удивился газете, но оживление началось страшное.

Первым увидел газету помначцеха Лист и сразу пошел рассказать своему приятелю, монтеру Корсакову.

— Ну, знаешь, брат Римский, пробрали тебя в газетке за политшколу-то!

Потом прибежал Шуберт. Его тоже за что-то пробрали. Потом прибежали другие. По фабрике пронесся клич: «Вышла новая стенгазета!» Со всех сторон бросились читать. Даже курьер расчетного отдела, большой философ и мыслитель, имеющий на жизнь только один взгляд: «Жить — это значит пить чай!»,— взял бумажку с надписью «Совершенно срочно» (в которую уж с неделю был завернут сахар, так как не было оказии отнести, а сахар начкает-ся и чернеет, если его не заворачивают) и специально понес в цех, только для того, чтобы взглянуть на стенгазету. Но больше всего народу столпилось перед газетой в обеденный перерыв, так что две официантки в фабричной столовой бродили изумленные по пустому залу и время от времени подходили друг к другу и спрашивали растерянным голосом: «Вам что подать на второе?»

По всем углам началось обсуждение заметок. Стали говорить о массе неполадок на фабрике, о дереве, которое должно сохнуть, а лежит два месяца под дождем, об инструментах, о культобслуживании и многом другом. Где-то созвали производственное совещание, где-то покрыли фабком, кто-то записался в партшколу, два ученика подали заявление в комсомол, весь фабком попросился в отпуск за 1939 год, а гражданка Кривоногова даже подала заявление о перемене фамилии на Райскую. Но хуже всех случилось с Чайковским. Ему принесли 117 заметок и 9 карикатур, и он, вспомнив, что год назад был редактором, по привычке искал гуммиарабик и здоровался словами: «Товарищи, пишите в стенгазету».

Никто не знает, что могло произойти на фабрике из-за роковой забывчивости уборщицы. Может быть, фабрика стала бы выполнять план, может быть, вообще стала бы культурной, передовой фабрикой, если бы совершенно неожиданно не выяснилось, что стенгазета старая.

А выяснилось так. Сортировщица, стоявшая долго у газеты и смотревшая на свой портрет, сказала:

— Нету.

— Чего нету? — спросили с волнением окружающие, ожидая самого ужасного.

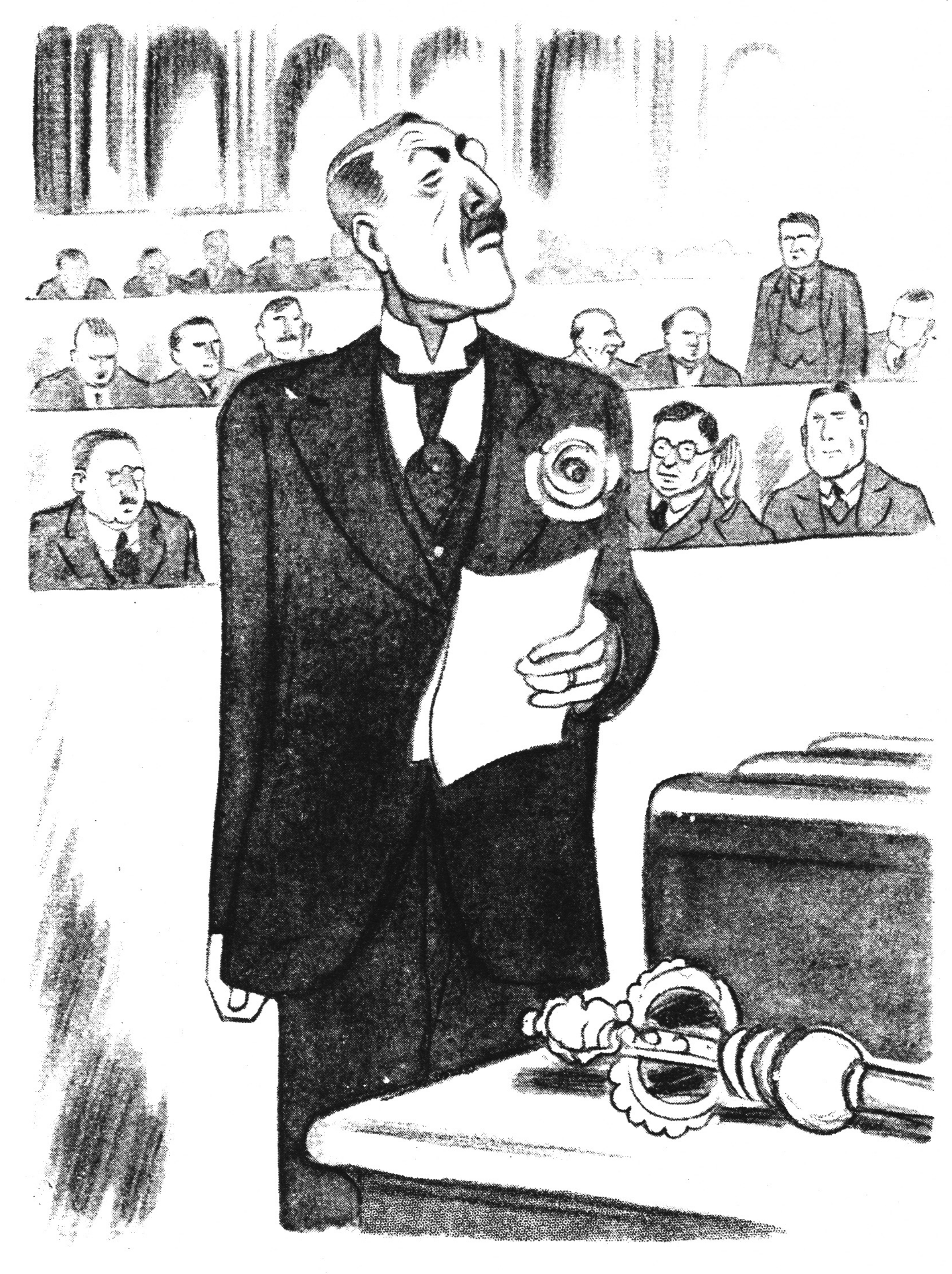
— Зуба нету. Видишь, у меня золотой зуб, а на фотографии нету.

— Не может быть! Но как же...

И тут только заметили, что дерево

В АНГЛИЙСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ

Рис. Бор. Ефимова

— К тому, что я уже сказал, я ничего не имею прибавить.
— А не прибавите ли вы что-нибудь к тому, о чем вы умолчали?

лежит под дождем не 2 месяца, а год и два месяца, что директор фабрики — не Шопен, а Штраус, что Калинников уже не работает на фабрике, и многое другое.

Газета прошлогодняя!

Тут отлегло на сердце у некоторых людей на фабрике. Предфабкома взял назад свое заявление об отпуске и пытался перенести производсовещание. Но не тут-то было. Разве остановишь сильный, свежий ветер! Добровольцы из актива почти силой потащили Чайковского писать стенгазету, но он сопротивлялся, ссылаясь на занятость, и кричал истошным голосом:

— Товарищи, пишите в стенгазету!

Писали всю ночь, и к утру газета была закончена и повешена вместо прошлогодней. Утомленная и радостная, редакция, довольная результатами, пошла поспать часок.

Ровно в половине седьмого уборщица домела мусор до доски об'явлений, облокотившись на швабру, долго смотрела на стенгазету, затем сняла ее, аккуратно свернула в трубочку и, бросив за шкаф, сказала:

— Уж целый год не выходит газета, придется сегодня зайти в фабком и сыграть им «си-бемоль».

В. ВЕРЕС

●

О ХОРОШЕМ ОТНОШЕНИИ К ЭПИГРАММАМ

Давайте, товарищи, быстренько проверним один вопрос.

Мы захотели прочитать в роскошно изданном собрании сочинений А. С. Пушкина, выпущенном в 1936 году «Академией», одну из замечательных пушкинских эпиграмм на графа М. С. Воронцова.

Нашли. Начали читать. Что за чертовщина! Не то!

«Полугерой, полуневежда
К тому ж еще полуподлец!..
Но тут однако ж есть надежда,
Что полный будет наконец».

Что-то больно непохоже, товарищи. Помнится, аналогичная эпиграмма звучала куда складней и хлеще:

«Полумилорд, полукупец,
Полумудрец, полуневежда,
Полуподлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец».

Куда же она девалась? Неужели второй вариант — непушкинский? Мы начали взволнованно перелистывать упомянутое роскошное издание и в конце тома, в вариантах и комментариях, нашли эту эпиграмму во втором, всем нам с детства известном варианте. Она напечатана мелким шрифтом и снабжена авторитетным пояснением, что это «другая редакция эпиграммы, вероятно окончательная, но дошедшая до нас лишь в позднейших списках».

Страшновато делается, товарищи! Вдруг затеряется оригинал «Евгения Онегина». Тогда мудрые редакторы из «Академии» перенесут весь известный нам текст романа в отдел примечаний, а крупным шрифтом напечатают черновики.

КОШКА КАК ТАКОВАЯ

Уж так повелось, что взрослые всегда завидуют детям. То-то славно, проснувшись утром и подойдя к зеркалу, чтобы проверить, нужно ли тебе побриться, вдруг увидеть вместо собственной осточертевшей, помятой физиономии этакую румяную, как яблочко, свежую пионерскую рожицу!..

Ох, обождем завидовать деткам! Ведь деткам нужно учиться в начальной школе, а у нас еще имеется П. Н. Шимбарев. И действует еще «Методический материал для учителя начальной школы», выпущенный в свет под редакцией упомянутого мужчины. И виза, добрая, развесистая, всештампующая виза Наркомпроса РСФСР, еще украшает сие методическое пособие.

Вот как рекомендует П. Н. Шимбарев советским учителям проводить в классе урок на тему «Кошка».

«Цель урока, — зловеще предупреждает знаменитый методист, — создать у детей четкое представление о кошке.

Для проведения урока необходимо принести в класс живую кошку (конечно, надо взять кошку смирную, не дикую, не больную). Приготовить кусок рыбы или мяса, завернутый в бумагу, блюдечко с молоком, если можно, мышь в клетке (или птицу), сантиметровую ленту (можно приготовить самим из бумаги)».

Мы себе очень реально представляем тихо-идиотическую картину такого занимательного урока.

Вот в класс входит бедняжка-учитель. Подмышкой он держит завернутую в старый платок жены умученную, нервно всклокоченную кошку. В одной руке у него блюдечко с молоком, в другой—мышеловка с плененным крысенком.

Учитель — назовем его Николаем Герасимовичем — расставляет и усаживает на кафедре свою живую аппаратуру и, погладив пугливо озирающуюся Мурку, спрашивает приятно удивленных ребят:

— Что это такое?

Некоторое время класс молчит, полагая, что налицо явный подвох со стороны учителя. Потом раздаются неуверенные голоса:

— Кошка это! Кошечка! Киска!

— Почему вы узнали, что это кошка? — с тоской в голосе спрашивает учитель Николай Герасимович, точно выполняя указания П. Н. Шимбарева.— Вася Пуговицын, поди сюда. Отвечай, почему ты узнал, что это кошка?

— Да уж узнал,— хмуро отвечает Вася Пуговицын и тянется к Мурке — погладить.

— Потом погладишь, когда правильно ответишь. Отвечай: почему это все-таки кошка?

— Потому что она, штука эта, здорово на кошку похожа, Николай Герасимович.

— Правильно, Вася. А почему она похожа на кошку?

— Голова у нее не собачья,— выпаливает Вася Пуговицын, чувствуя, что он погиб.

— Правильно, Вася. Очень хорошо ответил. Ребята, все вы заметили, что у этой кошки голова не собачья?

— Заметили! — хором отвечает класс.— Не собачья у нее голова, не собачья!

Бедный Николай Герасимович, учитель, облегченно вздыхает. Урок идет точно по директивам П. Н. Шимбарева, утвержденным Наркомпросом.

«При помощи вопросов учитель приводит детей к выводу, что кошку они узнали по виду (у нее морда не такая, как у собаки, и уши не такие и т. п.)».

Сообщив нормальным советским детям тьму низких и достаточно популярных истин насчет кошки, учитель Николай Герасимович, покорно следуя дальнейшим указаниям П. Н. Шимбарева, переходит к практической работе с кошкой.

Вызванные к доске ребята измеряют кошку сантиметровой лентой (той самой, которую «можно приготовить самим из бумаги»), причем измерение происходит «от конца морды до конца хвоста и от конца морды до конца туловища». Лихие второгодники измеряют кошку и обратно — от конца хвоста до конца морды. Получившийся вдруг разнобой в цифрах становится предметом жаркой дискуссии в классе.

Потом ребята наблюдают, как кошка бросается на несчастного крысенка, давно уже спятившего с ума в своей клетке.

Потом Николай Герасимович дает кошке молоко и поясняет:

— Вот так кошки лакают.

Надом задается, тоже по Шимбареву, «измерить длину туловища вашей кошки».

Легко представить себе ребят на следующий день, когда эта домашняя работа уже выполнена.

— Вася Пуговицын, к доске. Почему у тебя рука перевязана?

— Кошку мерил, Николай Герасимович.

— Рая Митрофанова здесь?

— Ее нет в классе, Николай Герасимович. У нее воспаление глаза.

— Воспаление глаза? На какой почве?

— На почве кошки, Николай Герасимович.

...Нет, мы не против того, чтобы наших ребят знакомили с природой и с животным миром.

Но мы категорически против досужих домыслов П. Н. Шимбарева, утвержденных Наркомпросом и, повидимому, рассчитанных на маленьких кретинов.

М. ДЕНИСОВ

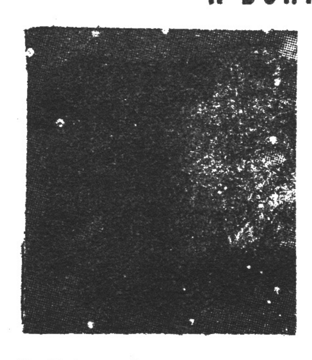
Рис. А. Каневского

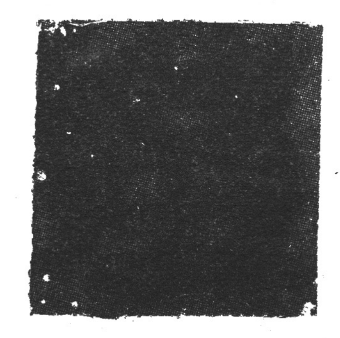
— Видите ли вы что-нибудь в этой тьме?
— Конечно, вижу... Что председатель городского совета на новых выборах не пройдет.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

К ВОПРОСУ О СТИЛЯХ

А. С. Пушкин (с портрета художника З. Серова)

Лицейский зал. Рисунок Бореля

Как видно из двух воспроизводимых нами снимков, помещенных в горловской газете «Кочегарка» в связи со 100-летней годовщиной со дня смерти Пушкина, художник В. Серов ничем абсолютно не отличался по манере своего рисунка от Бореля.

Во всяком случае, по абсолютно черным квадратам, воспроизводимым нами, никак не отличишь стиль Серова от стиля Бореля.

Зато о стиле работы редакции «Кочегарки» можно заявить совершенно определенно: наплевательский это стиль, стиль полнейшего неуважения к читателю.

НЕМНОЖКО МИСТИКИ

15 декабря прошлого года народный суд Октябрьского района Одесской области получил из Житомирского дома заключения извещение, доверху наполненное мистикой:

«Сообщаю, что заключенный Н., осужденный постановлением вашего суда по делу № . . . 6/XII-36 г. умер. Куда вам и надлежит обращаться по всем вопросам, связанным с его делом».

Куда же это обращаться, дорогие товарищи начальник и начальник канцелярии Житомирского домзака?

Ух, даже подумать страшно!

НОВОЕ В ПАРАШЮТНОМ СПОРТЕ

Скажем прямо. Мы допускаем такую возможность, что начальник пожарной охраны Камского бумажного комбината Кучеренко был преисполнен самых лучших намерений, когда взялся подготовить 134 парашютиста из местных рабочих.

Вполне возможно, что он обратился по этому случаю к будущим парашютистам с речью, полной разумных и прекрасных мыслей.

Мы совсем уже было собрались приветствовать хорошее начинание тов. Кучеренко, когда узнали о несколько своеобразном способе подготовки парашютистов, которым он пользуется.

Бравый Кучеренко, оказывается, заставляет своих учеников прыгать по 30 с лишним раз в день, но не с парашютной вышки, а с платформы грузовика.

Не знаем, увеличилось ли в результате инструктажа Кучеренко количество парашютистов. Сомневаемся. Зато количество невыходов на работу по бюллетеню показывает неуклонный рост. То один рабочий ногу вывихнет, то другой неловко упадет. И только Кучеренко ходит цел и невредим. А это очень жаль.

ЗНАМЕНСКИЙ СЕЕТ

В свое время поэт Некрасов обратился к культурным работникам с призывом:

«Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ».

Хотя Некрасов не мог предугадать существование Когиза, но по точному смыслу его обращения оно касалось и заместителя управляющего свердловским Когизом тов. Знаменского.

Вот Знаменский и сеет.

Не так давно он разослал своей периферии директиву:

«Обращаем ваше внимание на то, что в период пушкинских юбилейных дней потребуется полный асортимент пушкинской литературы для юбилейных организаций, устройства выставок и т. д. Предлагаем забронировать у себя для этой цели 50% каждого поступающего к вам названия.

Зам. управляющ. Сверд. Когизом ЗНАМЕНСКИЙ».

Можно определенно заявить, что Знаменскому русский народ спасибо не скажет.

Очень интересно: что скажет Знаменскому Свердловский областной комитет партии?

ЗАПЛЕТАЮЩИЙСЯ ЯЗЫК

«Краматорская правда» опубликовала 11 января текущего года специальную полосу — «За что мы любим Пушкина».

«Мы любим Пушкина,— пишется в этой полосе,— за то, что его простой и понятный, высокохудожественный язык сделал его творчество понятным и доступным народу».

Именно за прямо противоположные качества мы никак не можем полюбить товарищей, редактировавших эту полосу.

Нас, например, очень поразил заголовок первой статьи: «Гений поэта мог стать революционером».

Точно так же трудно полюбить редакторов полосы за такие слова: «Как гениальна, как непревзойденно мудра и правдива в художественном произведении «Капитанская дочка» великий русский поэт А. С. Пушкин показал Пугачева, прикрыв его «Капитанской дочкой».

Интересно знать, кого показал Пушкин, прикрыв его «Евгением Онегиным», «Борисом Годуновым» и хотя бы «Домиком в Коломне».

Мы могли бы, пользуясь счастливым выражением «Краматорской правды», заявить, что гений редактора «Краматорской правды» мог стать более грамотным.

О СЛАВЕ

«Что слава — яркая заплата на ветхом рубище певца».

Эту сентенцию Пушкина по-своему усвоил рецензент сталиногорской газеты «Сталиногорский пролетарий» В. Стручков.

И, не гоняясь за славой, скатал из № 31 «Огонька» напечатанную в ней рецензию о пьесе В. Гусева «Слава».

Нет, почему же, товарищ В. Стручков? Заплата—заплатой, а немножко славы мы можем вам предоставить на страницах нашего журнала славу плагиатора или, что то же самое, литературного вора, с чем мы вас, малопочтенный, и поздравляем.

ИГРА „ПРИРОДЫ“

Обращаем внимание читателей на заглавную заставку почтенного академического журнала «Природа». Талантливый график изобразил на своем рисунке необычайное природное явление: справа на рисуночке всходит солнце, озаряя лучами окрестности, в центре — «светит месяц, светит ясный» в окружении звезд, а слева — летит по своим надобностям комета с хвостом.

Не про этот ли рисунок академического журнала «Природа» сказал лицейский друг Пушкина Илличевский:

«Грядет с заката царь природы.
И удивленные народы
Не знают, что начать:
Ложиться спать или вставать?»

НЕ ТЕ ЗУБЫ

5 января текущего года председатель одного из кинешемских завкомов союза кожевников получил следующий одонтологически-бюрократический документ:

«*Кинешемский ГСПС сообщает, что за январь месяц 1937 года для Вашего союза выделено «8» зубов, которые вы должны распределить между членами Союза.*

Секретарь ГСПС ЕРШОВ».

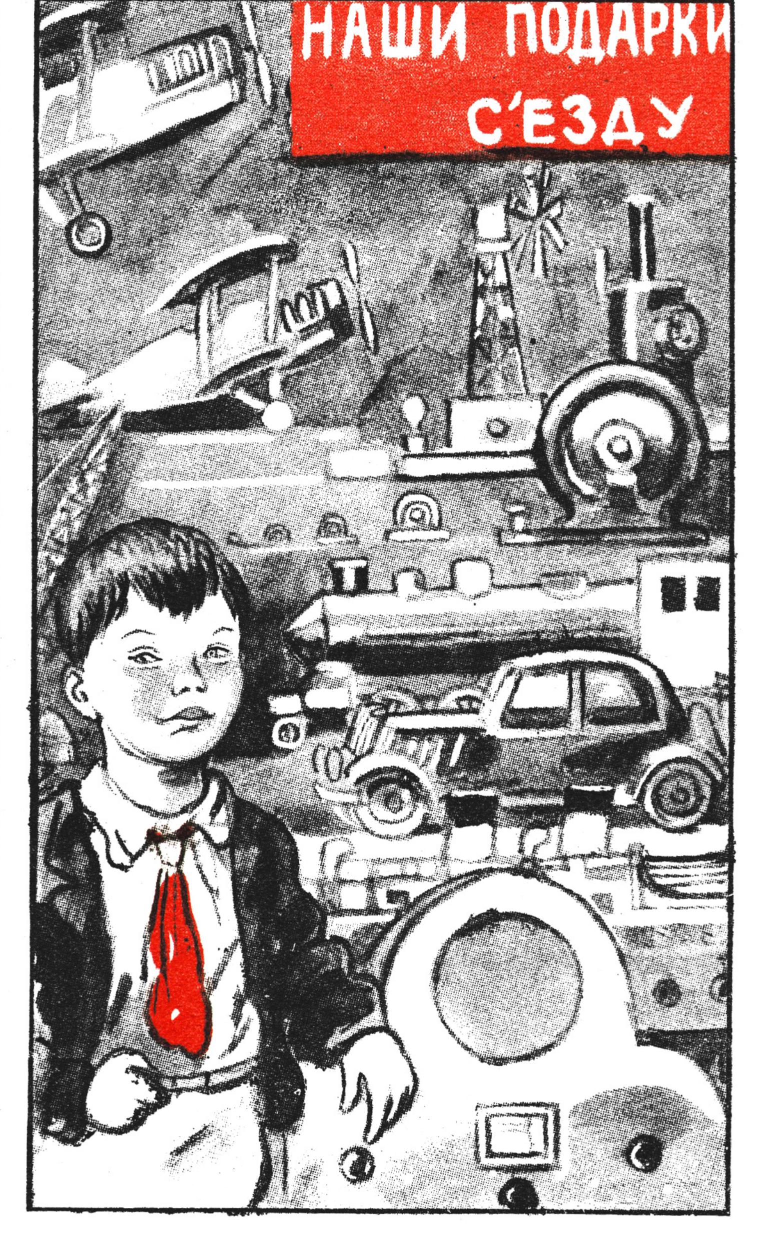
Мы не знаем в точности, о каких зубах тут идет речь: золотых ли серебряных или стальных, на каучуке или на винтах, коренных или резцах? Во всяком случае, зубов мудрости среди них не было.

А жаль. Они бы сильно пригодились самому секретарю горпрофсовета тов. Ершову.

Рис. Л. Ганча

Изделия взрослых для детей.

Изделия детей для взрослых.

Редактор—МИХАИЛ КОЛЬЦОВ Редколлегия: Л. ЛАГИН, А. НАЗАРОВ, Л. РОВИНСКИЙ Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 7 час. Подписная цена на журн. 1 р. 80 к. в месяц

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 97 Сдача текста и рисунков 20/I—37 г. Подп. к печати 27/I—37 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита Б—10707 Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 145 Тираж 275 000

Рис. Ю. Ганфа

Джентльменский набор гестаписта для заграничной командировки.